

Чжоу Чэн закрыл глаза, сожалея, что не спрятал фотографии лучше. С самого первого раза, как он взял в руки фотоаппарат и сделал удачный снимок, он увлёкся фотографией. В старших классах он накопил денег и купил себе Canon. Тогда он ещё не поссорился с Гу Миньюем, и, естественно, его моделью мог быть только он.

На фотографиях был Гу Миньюй: едущий на велосипеде по дороге домой, поднимающийся на гору во время весеннего похода, смеющийся на солнце, его длинная тень под фонарём. Все снимки были о нём. Это не было чем-то необычным — все знали, что Гу Миньюй и Чжоу Чэн неразлучны. Но помимо этих фотографий были и другие: Чжоу Чэн целовал спящего Гу Миньюя, снимал его в ванной — всё, что могло вызвать смущение.

Когда Гу Миньюй порвал с ним, он велел уничтожить эти снимки, но Чжоу Чэн не смог. Он положил их в запертую коробку и спрятал на дне шкафа.

Первоначальная паника прошла, и, глядя на сломанный замок, Чжоу Чэн почувствовал гнев. Он резко ответил:

— Даже если я сделал что-то неправильное, это не даёт тебе права рыться в моих вещах. И я не считаю, что был неправ!

Неизвестно, какие слова Чжоу Чэна разозлили отца, но лицо Чжоу Мина потемнело, и он быстро подошёл к сыну, резко ударив его по лицу.

Чжоу Чэн был ошеломлён. Чжоу Мин всегда был спокойным, и в детстве его наказывала мать, Чэнь Линлин. Он никогда не думал, что его добродушный отец способен на такое.

— Повтори ещё раз! — Чжоу Мин дрожал от гнева, размахивая руками, чуть не сбив свои очки. — Ты считаешь, что не ошибся? Тогда это я виноват? Я тебя так воспитал? Ты понимаешь, что скажут люди, если это станет известно? Что они подумают обо мне?!

Слова Чжоу Мина явно были адресованы не только сыну. Чжоу Чэн, хоть и не соглашался, не осмелился возразить, особенно когда увидел, что его мать, Чэнь Линлин, стоит в дверях гостиной и наблюдает за ними.

Чжоу Мин пристально смотрел на неё, пока она входила, брала альбом с журнального столика и листала его до конца.

Затем она закрыла альбом, положила его обратно и спокойно сказала:

— Я думала, что случилось что-то серьёзное. Сяочэн давно не общается с Миньюем, и когда они разведутся, всё забудется. Молодёжь всегда ошибается, не стоит быть слишком строгим.

С этими словами она взяла Чжоу Чэна за руку и повела на кухню:

— Сегодня ты поможешь мне готовить. Когда поступишь в университет, я буду скучать по тебе.

Чжоу Чэн машинально следовал за матерью, оглядываясь на отца. Тот был в ярости и внезапно опрокинул журнальный столик.

Стекло разбилось, вещи разлетелись по полу. Чжоу Мин, не успокоившись, подошёл к маленькому столику и сбросил на пол термос, чайник и чашки. Когда он поднял наполовину разбитый стакан, чтобы бросить его в телевизор, его мать резко крикнула:

— Чжоу Мин, попробуй только ещё раз!

Чжоу Мин остановился, его глаза, полные гнева, смотрели в пол.

— Телевизор купила я, диван и стол — я, этот дом построила я. Сколько ты заработал за эти годы? У тебя есть право здесь буянить? Если ты такой храбрый, подавай на развод! Мне всё равно, у меня есть дом, деньги и работа, скоро меня повысят до начальника отдела. А что есть у тебя, Чжоу Мин? Ты даже ругаться можешь, только прикрываясь сыном. Ты просто трус!

— А как ты стала начальником отдела?!

— Тебе какое дело? Всё равно лучше, чем ты, который ничего не добился!

— Ты помогала подставлять Гу Хуайли! Лёгко было залезть в постель к заместителю директора? Старый Гу, деревенский, без связей, тебя не устраивал? Они до сих пор думают, что это он ошибся, но на самом деле это ты специально его подставила! Ты — и ты!

Чжоу Мин, с глазами, налитыми кровью, указал на Чэнь Линлин, а затем на Чжоу Чэна.

— Вы оба хороши! Одна подставила отца, а другой влюбился в его сына! Как я мог иметь такую жену и сына?!

Глядя на молчащую мать, Чжоу Чэн почувствовал, как мир рушится. Он не мог поверить своим ушам, вырвал руку и убежал из дома.

Чжоу Чэн чувствовал, как что-то внутри него рухнуло. Гнев и отчаяние захлестнули его. Он бежал, не разбирая дороги, дождь хлестал по лицу, словно отвешивая пощёчины. Он кричал в темноте, желая увидеть Гу Минъюя, но понимал, что больше не имеет на это права. Как сказал Сюй Ган, всё это было ошибкой его матери, и он пожинал плоды её действий.

Он носил одежду, пользовался вещами, которые были куплены на страданиях семьи Гу. Никто не знал лучше Чжоу Чэна, как ссоры родителей ранили Минъюя. И только теперь он осознал, что тоже был причастен к его боли...

Закончив двухмесячную подработку, Цзи Линьюань с билетом в Чунцин сел на поезд. Зелёный состав трясся больше двадцати часов, и Цзи Линьюань, сменив позу, почувствовал, как затекла нога — он уступил место пожилому человеку, а сам с сумками устроился в проходе у вагона-ресторана.

Он ел мабин, который перед отъездом приготовил дедушка. Клейкий рис, посыпанный кунжутом, с начинкой из пасты из красной фасоли, которую сам же и сделал. Свежий мабин был мягким и вкусным, но, остыв, становился твёрдым, и Цзи Линьюань сначала смачивал его слюной, чтобы размягчить.

Вдруг он почувствовал чей-то взгляд и поднял голову. В вагоне-ресторане у окна сидел высокий, красивый парень с подносом в руках. Цзи Линьюань почти решил, что ему показалось — ведь школа уже началась, и старшеклассник Гу Миньюй не мог быть здесь.

Но, как ни странно, он сидел там.

В сентябре Гу Миньюй был одет в длинную куртку и джинсы, в то время как Цзи Линьюань носил шорты и сандалии. На ногах у него были чистые белые кроссовки, и он выглядел как герой из манги.

Его глаза, полные грусти, смотрели в окно, и он был совсем непохож на того дерзкого парня, каким Цзи Линьюань его помнил.

Почему-то ему стало жалко Гу Миньюя. Он перестал грызть мабин, вытер его и аккуратно завернул в пакет. Когда он поднял взгляд, их глаза встретились.

Цзи Линьюань сначала испугался, но затем попытался улыбнуться, как вдруг за его спиной появился проводник с группой людей.

— Кто без билета, подходите оформлять!

— Я! Я!

Толпа мгновенно закрыла обзор.

Когда все разошлись, Гу Миньюй уже исчез. Цзи Линьюань не мог усидеть на месте и начал бродить по вагону в надежде найти его.

Но вместо этого его трижды остановили проводники, подозревая в чём-то нехорошем. Из-за его высокого роста и больших сумок он не выглядел как студент. Если бы он не показал билет и паспорт, его бы задержали.

Цзи Линьюань не знал, что искал не там. Он пошёл в сторону жёстких вагонов, но Гу Минъюй был в другом конце поезда — в мягком вагоне.

Цзи Линьюань подумал: «Бедность ограничивает воображение».

<http://bllate.org/book/15446/1371525>